

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДИССЕРТАЦИОННОГО СОВЕТА 99.2.042.02, созданного на базе Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ивановский государственный университет» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации ПО ДИССЕРТАЦИИ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ ДОКТОРА НАУК

аттестационное дело № _____

решение диссертационного совета от 25.09.2025 г. № 34

О присуждении **Карташовой Марии Вячеславовне**,
гражданке Российской Федерации,
ученой степени доктора исторических наук

Диссертация «Кустарные промыслы и их государственная поддержка в Российской империи (1872-1917 гг.)», по специальности 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки) принята к защите 24.04.2025 г., протокол № 16 диссертационным советом 99.2.042.02, созданным на базе Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, 603905, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23 и Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Ивановский государственный университет» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, 153025, г. Иваново, ул. Ермака, 39. Совет утвержден приказом Минобрнауки РФ от 1 марта 2017 г. № 149/нк.

Соискатель Карташова Мария Вячеславовна, 1971 года рождения, в 1994 году окончила Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского» по специальности «История».

16 декабря 2008 г. М.В. Карташова защитила кандидатскую диссертацию «Кустарно-промышленная политика и ее реализация в последней трети XIX в. (на материалах Нижегородской губернии)» (диплом серия ДКН № 080768).

С 1 марта 2010 г. по настоящее время работает директором Муниципального бюджетного учреждения культуры «Балахнинский музейный историко-художественный комплекс». В период с 3 сентября 2024 г. по 28 августа 2025 г. М.В. Карташова работала учителем истории в Специализированном учебном научном центре (филиал ННГУ им. Н.И. Лобачевского в г. Балахна).

Диссертация выполнена на кафедре зарубежного регионоведения и локальной истории ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского».

Научный консультант – **Селезнев Федор Александрович**, доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и локальной истории ИМОМИ ННГУ им. Н.И. Лобачевского

Официальные оппоненты:

Архипова Любовь Михайловна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского»

Григорова Виктория Александровна – доктор исторических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

Разгон Виктор Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет» дали положительные отзывы на диссертацию.

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» в своем положительном заключении, составленном заведующим кафедрой

исторической информатики исторического факультета МГУ, доктором исторических наук, профессором, членом-корреспондентом РАН Бородиным Леонидом Иосифовичем и подписанном секретарем заседания кафедры исторической информатики исторического факультета МГУ, кандидатом исторических наук, старшим преподавателем Дмитриевой Анной Владимировной и заместителем декана по научной работе исторического факультета МГУ, доктором исторических наук, доцентом Андреевым Дмитрием Александровичем отмечается, что актуальность темы диссертационного исследования не вызывает сомнений – кустарные промыслы Российской империи представляют собой уникальное явление российской экономики. Автор дает четкое определение кустарного промысла (кустарной промышленности) как вида мелкой обрабатывающей промышленности. Комплекс методов изучения разработки и реализации государственной политики по промыслам свидетельствует о научной новизне диссертационного исследования. Обоснованы и доказаны основные положения, выносимые на защиту. Диссертация отвечает требованиям п. 9-14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции от 01 октября 2018 г.), предъявляемым к докторским диссертациям.

Отзыв ведущей организации содержит следующие замечания:

1. На стр. 159 автор отмечает, что в условиях столыпинской реформы кустарные промыслы, «являясь дополнительным занятием к основному земледельческому, ... помогали сохранить традиционную структуру деревни и предотвращать массовые миграции». Это спорный тезис, учитывая, что одной из целей реформы было активизировать переселение крестьян в Сибирь, Среднюю Азию и другие районы на окраинах империи.
2. На стр. 435 отмечается, что «в 17-и губерниях и областях обрабатывающие промыслы продолжали доминировать» в сравнении с фабрично-заводской промышленностью. Следовало бы подчеркнуть, что речь идет о значениях индекса локализации (а не объемов производства, как может подумать читатель).

3. На стр. 3 и 159 упомянута Всероссийская перепись населения 1897 г., это опечатка: должна быть Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 г.

Соискатель имеет 55 опубликованных работ, опубликованных в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК – 17. Общий объем научных публикаций – более 20 п. л.

Недостоверные сведения в списке опубликованных соискателем ученой степени работ, в которых отражены основные научные результаты диссертации Карташовой М.В., отсутствуют. Неправомерные заимствования в тексте диссертации отсутствуют.

Перечень наиболее важных работ, в т.ч. опубликованных в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ:

1. Карташова М.В. Кустарные промыслы Российской империи в последней трети XIX - начале XX в. (1872-1917 гг.): статистика, локализация, государственная поддержка: [монография]. — Н.Новгород : Кварц, 2018. — 414, [1] с. : цв. ил., табл.
2. Карташова М.В., Васильева Л.Ф., Пухова С.В. Балахнинский кружевной промысел. — Н.Новгород : Кварц, 2020. – 168 с., ил.
3. Карташова М.В. «Кустарный вопрос» в III и IV Государственных думах Российской империи: 1907–1914 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4 (1). С. 260-263.
4. Карташова М.В. "Межбюджетные трансферты" в правительственной кустарно-промышленной политике Российской империи в начале XX в. (с использованием ГИС и статистического анализа) // Историческая информатика. Информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2013. № 4. С. 72-77.
5. Карташова М.В. Государственная политика Российской империи по развитию кустарных промыслов на Кавказе на рубеже XIX-XX вв. // Теория и практика общественного развития. 2015. № 16. С. 150-152.
6. Карташова М.В. Российская государственная политика по развитию профессиональной образовательной сети в среде кустарей (1883-1917 гг.)

- (на примере школ кружева) // Общество: философия, история, культура. 2016. № 2. С. 58-60.
7. Карташова М.В. Экспорт российских кустарных товаров в конце XIX – начале XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 5. С. 40-48.
 8. Карташова М.В. Доходность кустарных промыслов в Российской империи в конце XIX – начале XX века // Историческая информатика. 2017. № 1(1). С. 154-173.
 9. Карташова М.В. Реализация государственной политики по техническому образованию крестьян-кустарей в Российской империи в конце XIX – начале XX века // Экономическая история. 2017. № 2 (37). С. 71-82.
 10. Карташова М.В. Статистика кустарных промыслов Российской империи в последней трети XIX – начале XX века // Известия Саратовского университета. Серия: История, Международные отношения. 2017. № 3. С. 308-314.
 11. Карташова М.В. Государственные военные заказы кустарям в Российской империи конца XIX – начала XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 5. С. 23-30.
 12. Карташова М.В. Главное управление землеустройства и земледелия и развитие кустарных промыслов на востоке России в начале XX в. // Российская история. 2018. № 2. С. 35-40.
 13. Карташова М.В. Государственная поддержка кустарных промыслов в Российской империи в конце XIX – начале XX в.: кредитование кустарей // Экономическая история. 2018. Т. 14. № 1. С. 34-46.
 14. Карташова М.В. Локализация кустарных промыслов в Российской империи в конце XIX – начале XX века (пространственно-статистический анализ) // Историческая информатика. 2018. № 1. С. 63-85.
 15. Карташова М.В. Кустарные музеи Российской империи в конце XIX – начале XX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2019. № 2. С. 18-26.

- 16.Карташова М.В. Кустарные промыслы накануне распада Российской империи (на материалах трех волостей Нижегородской губернии) // Историческая информатика. 2019. № 4. С. 31-42.
- 17.Карташова М.В. Система функционирования кустарных промыслов накануне Первой мировой войны // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 27-33.
- 18.Карташова М.В. К вопросу о происхождении центров кустарных промыслов (на примере Балахнинского кружевоплетения) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2020. № 2. С. 245-251
- 19.Карташова М.В. Механизмы взаимодействия власти, общества и кустарных промыслов в Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Экономическая история. 2020. Т. 16. № 2. С. 129-139.

На диссертацию и автореферат поступили отзывы:

Положительный отзыв на диссертацию официального оппонента **Григоровой Виктории Александровны** – доктора исторических наук, профессора кафедры социально-гуманитарных, экономических и правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Воронежский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»

В отзыве указаны следующие замечания:

1. Соискатель ведет начало изложения историографии проблемы с последней трети XIX в., тогда как первые труды исследователей, посвященных кустарным промыслам, появились раньше. Самые первые шаги в исследовании кустарных промыслов были предприняты учеными XVIII века (например, И.К. Кириллов).
2. На с. 88 М.В. Карташова, представляя авторскую трактовку термина «кустарные промыслы», в скобках помечает тождественную аналогию в виде «кустарной промышленности». Однако отождествление «кустарных промыслов» и «кустарной промышленности» является достаточно спорным и вызывает определенную дискуссию. Изначально термины «кустарные промыслы» и

«кустарная промышленность» не равнозначны, несмотря на обоюдную связь с ручным трудом и мелким производством. Масштаб и организация производства, разная степень специализации и ориентации на рынок являются важными отличительными признаками, не позволяющими уравнивать промыслы и промышленность.

3. Исследуя государственные мероприятия по развитию кустарных промыслов, М.В. Карташова отмечает незавершенность финансового механизма обеспечения реализации кустарно-промышленной политики к началу Первой мировой войны, не обозначая уровень развития других элементов государственной политики в сфере кустарных промыслов. В итоге остается открытым вопрос о завершенности оформления кустарного направления государственной политики в исследуемый период. Меры поддержки кустарных промыслов в виде стимулирования кустарных учебных школ-мастерских, музеев, кустарно-промысловых организаций, кредитования кустарей являлись систематическими и стабильными или все-таки оставались случайными и хаотичными?

4. Не вполне понятны критерии выбора Нижегородской и Смоленской губерний для изучения значения кустарных промыслов во внутреннем строе крестьянского хозяйства перед революцией 1917 г. в пределах всей Российской империи. Ведь, например, в Центральном Черноземье кустарные промыслы аналогично промышленно развитым регионам страны тоже имели важное значение для поддержания крестьянского хозяйства и повышения налогообеспособности мелких товаропроизводителей.

5. В работе встречаются технические опечатки (с. 8, 13, 244...), неясность формулировок. В качестве примера можно привести утверждение автора на с. 7, где при характеристике историографии второй половины XX в. упоминается В.И. Ленин в качестве одного из представителей обозначенного периода.

6. В работе следовало бы провести сравнительный анализ мер государственной поддержки в зависимости от выявленного индекса локализации

кустарных промыслов в пределах Российской империи. Интересно было бы сравнить степень государственной поддержки на окраинах и в центре страны.

Положительный отзыв на диссертацию официального оппонента **Разгона Виктора Николаевича** – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории и международных отношений ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет».

В отзыве указаны следующие замечания:

1. Определяя содержание термина «кустарные промыслы», автор пишет, что под ним «следует понимать вид мелкой обрабатывающей промышленности с преобладанием ручного труда, с семейной организацией производства (домашняя промышленность) и с применением наемного труда (в ограниченных количествах), ориентированный на рынок, не облагаемый налогом и не подчиненный ведению фабричной инспекции». Представляется возможным конкретизировать это определение кустарных промыслов, указав в качестве одного из его признаков кустарного заведения преобладание семейных работников над наемными, позволяющий отграничивать кустарные заведения от заведений, ориентированных на предпринимательство в том или ином виде промышленного производства. Сведения о количестве (а, значит, и соотношении) занятых в промыслах семейных и наемных работников содержатся в первичных материалах Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. – подворных карточках крестьянских домохозяйств, а также в описаниях производств, представленных в каталогах Всероссийских выставок кустарных изделий. Впрочем, следует признать, что использование этого критерия ограничено плохой сохранностью первичных материалов сельскохозяйственной переписи.

2. В обобщениях, содержащихся в конце раздела о кредитовании кустарей (с. 331), автор делает вывод, что «государственная политика, направленная на поддержание кустарных промыслов путем кредитования, в целом может считаться эффективной, необходимо было лишь усилить систему контролирующих органов». И здесь же, оценивая практику кредитования,

пишет, что «следует признать, что проблема кредитования кустарей к началу Первой Мировой войны не была решена». Вряд ли можно определять, как «эффективную» политику, в результате проведения которой не была решена проблема, на разрешение которой она была направлена.

3. На стр. 271-272, сравнивая доходы крестьянских домохозяйств от сельского хозяйства и промыслов, автор термином «сельское хозяйство» обозначает только занятие земледелием, хотя общераспространенным является использование понятий «сельское хозяйство», «сельскохозяйственные занятия» для обозначения хозяйственной деятельности крестьян, включающей не только земледелие, но и скотоводство.

4. Не вполне обоснованной представляется критика автором диссертации данных о среднем заработке российского кустаря, приводимых Б.Н. Мироновым, по подсчетам которого он определялся в 61,55 руб. Диссертант считает, что «логичнее использовать среднее значение в 100 руб., что нагляднее всего демонстрируют данные указателя II Всероссийской кустарной выставки 1913 г., источника непредвзятого и достаточно объективного» (с. 284). Вряд ли этот аргумент можно считать обоснованным, поскольку на выставки направлялись изделия не среднестатистических, а передовых кустарных заведений, претендующих на получение поощрений и наград.

5. Характеризуя развитие кустарных промыслов в казахской степи, входившей в административном отношении в Степное генерал-губернаторство, автор вслед за официальной документацией называет казахов «киргизами». Думается, что в рамках научного исследования, в отличие от имперского дискурса, не делавшего различий между казахскими и киргизскими племенами, проживавшими на территории империи, было бы уместным использовать этноним «казах».

6. В некоторых местах текста диссертационного исследования прослеживается незавершенность авторского редактирования при переносе материалов из опубликованных им статей в текст диссертации. Так, на с. 147 автор пишет, что рассмотрение всей системы управления кустарной

промышленностью «в одной статье представляется невозможным», в другом месте, на с. 333, при формулировке цели исследования, проводимого в рамках одного из разделов диссертации, автор употребляет выражение «целью данной статьи».

Положительный отзыв на диссертацию официального оппонента **Архиповой Любови Михайловны**, доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского».

В отзыве указаны следующие замечания:

1. Введение. Актуализация темы представлена поверхностно и схематично, заняв всего одну страницу текста и оставив открытым вопрос об общественно-политическом, социально-культурном значении и научном потенциале ее изучения. Здесь автор допускает профессиональную ошибку, указывая на связь причин революции 1917 г. с остро стоявшим «крестьянским вопросом», вместо «аграрного вопроса» (с. 4, а также на с. 35). Реформа 1861 г. решила крестьянский вопрос, предоставив личные права крепостным. Ни в формулировке темы, ни в формулировке глав и параграфов не отражается проблематика работы и кроме того в обозначении структуры исследования совершенно потерян хронологический принцип, датировка изучаемых явлений отсутствует.

2. В формулировке цели диссертационного исследования также нет проблемы. Поэтому неслучайно пропущена гипотеза исследования, и схематичная постановка задач, как и цель, ориентируют на описательно-информационный характер текста, они не сопряжены с актуальной проблематикой социально-экономической политики, историей аграрной реформы, промышленной политикой. Кроме того, в постановке цели потеряна первая часть темы исследования – кустарные промыслы.

3. Объект и предмет диссертации различаются принципиально, но не по степени абстрагирования от исторической реальности, как должно быть, а по содержанию: промыслы как объекты исследования и формы их поддержки как

предмет, что неверно: обе части, составляющие единую тему, должны быть представлены и в объекте, и в предмете. Интерпретируя формулировку объекта «кустарные промыслы», М.В. Карташова отождествляет его с целым рядом других. Она считает их искусственно созданными и ставит в синонимичный ряд с понятиями кустарная и мелкая промышленность, сельская промышленность, крестьянские неземледельческие промыслы (с. 5, 7, 372). На деле многообразие понятийного восприятия кустарных промыслов в историографии отражает разные подходы, цели и объективные стороны мелкотоварного производства, поэтому само по себе многообразие смыслов, считываемых исследователями, конечно, не может служить обоснованием, аргументом для слияния всех значений в одно общее понятие, как это делает автор. Поскольку определение объекта – это принципиальное условие исследования, важная часть его научного аппарата, и автор повторяет его трактовку в тексте несколько раз, то оно заслуживает подробного разбора в отзыве. М.В. Карташова предлагает в качестве объекта свое понятие «кустарные промыслы» (с. 88), из которого исключаются его традиционные составляющие – сословный (крестьянский) характер, вспомогательное значение промысла по отношению к сельскохозяйственным занятиям; местный характер распространения промысла (не отхожепромысловый вид деятельности), - и акцентируется внимание на переменных признаках – производство в небольших размерах, не облагаемое налогом и не находившиеся под контролем фабрично-заводской инспекции, с преобладанием ручного труда, (следовательно, допускается вероятность машинного). Такое представление об объекте диссертационного исследования дает М.В. Карташовой возможность абстрагироваться от нескольких неудобств, которые испытывают историки в методологическом и источниковедческом плане, а именно:

- от проблемы несводимости данных статистических обследований, отличавшихся между собой происхождением, целями, датировкой и объектами учета;
- от вытекающей из этого обстоятельства сложности реконструкции социально-

экономического строя крестьянского хозяйства разной его типологии в зависимости от тесноты и характера связи с видами промыслов;

- от осознания необходимости учета большого количества и разнообразия условий жизнедеятельности крестьянского двора при решении вопроса о влиянии различных промыслов на устойчивость крестьянского хозяйства и, следовательно, значении их в социально-экономическом развитии страны.

Сделав объектом диссертационного исследования максимально широкое явление из сферы промысловых занятий населения, исключив, и то только из трактовки, но не из обработки информации источников, что не всегда возможно, ремесло и домашнюю промышленность как экономические категории, М.В. Карташова обеспечила себе возможность развивать и доказывать основные положения своей концепции.

Но, во-первых, кустарная промышленность в изучаемый период облагалась налогом – патентным, а автор указал, что в его объект изучения, облагаемые налогом производства, не будут входить. Но удалось ли ей это выполнить? Вот в тексте диссертации среди критериев отбора в базу данных «Кустарные промыслы Российской империи в последней трети XIX – начале XX века» указаны объемы производства в широчайшем диапазоне от 10 р. до 1 тыс. р. в деревообрабатывающей отрасли. Те же, что свыше 1 тыс.р., то, гадательно рассуждает автор, «скорее относились к фабричной промышленности» (с. 69). Между тем, хорошо известно, что в промышленном налогообложении существовала четкая роспись по классам и разрядам в зависимости от местности и количеству наемных рабочих. Правительство с 1883 г и далее последовательно переходило от сословно-личностного принципа налогообложения к имущественному, подоходному. Да, основная масса кустарей-крестьян не была обязана покупать патент, но могут ли приведенные в диссертации для обоснования, например, высокой оценки информативных возможностей указателей кустарно-промышленных выставок примеры производств войти в круг объектов исследования, если в них использовалось 10, 14 или 40 постоянных наемных рабочих и до 500 сезонных с годовым доходом до 10 тыс. р. или в

размере 30 тыс. р.? Они должны были не только выкупать патент, но даже участвовать в дополнительном раскладочном сборе. Там же есть пример производства по типу рассеянной мануфактуры (с. 45-46) и в работе он не единственный.

Точно в таком же неразделенном на экономические категории массиве были организованы сведения во многих переписях, что не видится автору препятствием к их обработке и анализу. В объект исследования, согласно предложенному определению автора, не должны были войти, например, плотники и каменщики, поскольку их промысел вне обрабатывающей отрасли, или некоторые виды художественных промыслов, но в тексте они активно фигурируют. Большая доля их присутствия в выборке для корреляционного анализа при изучении важного вопроса о влиянии промыслов на устойчивость крестьянского хозяйства предопределила результат – позитивное влияние (с. 250, 259). Причина – в выборке, а, возможно, и в методологии анализа. Предпринятый корреляционный анализ к не репрезентативным данным и по программе, в которой признаки не отражают всего многообразия в организации самых различных кустарных промыслов в районах с разными условиями хозяйствования, свел эффект привлечения подворных карточек переписи 1917 г. к минимуму, а выводы поставил под сомнение.

Во-вторых, в формулировке объекта критерий отбора в виде непопадания производства под контроль фабричной инспекции означает, что рассеянная мануфактура, на которую работали массы деревенских кустарей, включая полу самостоятельных, с наймом рабочих, не будут включены в исследование. Назвав кустарей и отходников не исторично элементами «теневой экономики» империи (с.89), каким же образом М.В. Карташова смогла при обработке массовых источников исключить эту группу из объекта исследования?

Другими словами, объект изучения – кустарные промыслы как они понятийно определены автором, рассмотрены вне их исторической эволюции и без учета их социально-экономической трансформации. Но тогда возникает сомнение в соответствии концептуальных выводов автора не только о роли

промыслов, но и о целях и эффективности их правительственной поддержки, потому что все дискуссии современников по этому предмету строились вокруг вопросов каким кустарям помогать и стоит ли это делать.

Наконец, очевидно, что определение объекта и предмета обусловлено методологией исследования. Ей отведено в тексте мизерное место – менее 1 страницы, что для докторской диссертации просто недопустимо и прямо указывает на недооценку автором значения теоретических основ исследования. Заявленная автором приверженность теории модернизации представлена таким образом, что в ней нельзя не усомниться, поскольку тут же кустарные промыслы названы «специфической только для России социально-экономической категорией». Далее, по сути, ошибкой советских историков называется их непризнание этой очевидности из-за следования формационной теории (с.11-12). Вероятно, потому, что при любых обновленных трактовках теории модернизации отрицать ее европоцентричность, сближающую ее в этом качестве с формационной теорией, бессмысленно, М.В. Карташова заметила, что погружаться в эту тему не будет и больше методологических аспектов она не затрагивала. В итоге по ходу исследования представление автора о кустарных промыслах как бы двоятся. С одной стороны, они воспринимаются как национальная константа хозяйственной жизни населения, и этот тренд представляется ведущим в построении концепции, начиная от оценок трудов экономистов-народников и советских авторов, через невнимание к капиталистической эволюции промыслов, к модернизации их хозяйственной организации и заканчивая выводами о сохранявшейся их жизнеспособности вопреки всем невзгодам усиливавшейся эксплуатации. Впрочем, вопрос об эксплуатации кустарей в диссертации не поднимается, что требует объяснения. С другой стороны, константой проходит утверждение, что кустарные промыслы были вынуждены конкурировать с более экономически сильными организационно-производственными формами (например, с. 276).

В результате сложилось убеждение, что единственная задача «Введения» - постановка проблематики диссертации в пространстве современных научных

теорий, проблем и социальной практики, а также в историографическом и источниковедческом разрезе, - в диссертации решается на очень низком уровне.

4. Следующее замечание касается злоупотреблением приемом экстраполяции:

- в первой главе нет убедительного обоснования экстраполяции наблюдений, полученных на основе базы данных, созданной без учета хронологической, территориальной и хозяйственно-типовой тождественности объектов-экспонентов выставок, на все кустарные промыслы Российской империи;

- в третьей главе также отсутствует обоснование фундаментального вывода, в основе которого экстраполяция. «<...> микроисследование по данным переписи 1917 г. двух волостей Нижегородской губернии показало, что аграрные преобразования в деревне, которым положила начало столыпинская аграрная реформа и целью которых являлось создание слоя зажиточных, «крепких» крестьянских хозяйств как опоры государственной власти, желаемого эффекта не получили» (с.172);

- в четвертой главе результаты обработки данных по локально ограниченной группе объектов, их выборку нельзя признать качественно и количественно репрезентативной для их экстраполяции на все 6 губерний Центрально-Промышленного района при исследовании проблемы влияния промыслов на устойчивость крестьянского хозяйства (с. 259); тем более, что наблюдения не лишены противоречивости – в одном случае выявлено сокращение в крестьянских хозяйствах купленной земли (с. 170), в другом увеличение (с. 260).

5. Следует прокомментировать и то, насколько удалось охватить исследованием территориально-административные субъекты, отмеченные в широких рамках темы: 78 губерний, 21 область и 2 округа. Очевидно и оправдано, что все они не могли быть равномерно и систематично представлены в каждом из вопросов диссертации, максимально это удалось в пятой главе, относительно полно в частях текста §§ 1.3. – 1.4; 2.4; 3.4. -3.6; 4.3; 4.5. В отдельных сюжетах заметно преобладание материалов по Нижегородской губернии (в § 3.3. и § 4.1 она – почти единственный объект исследования).

6. Последнее принципиальное замечание касается оформления сносок на архивные материалы. Если считать, как этого требуют правила оформления научного текста, реально использованными в диссертации только те архивные дела, в ссылке на которое кроме архива, номеров фонда, описи, дела обязательно указаны листы, то таких всего 65 дел. При этом много сносок на дела без указания листов. Для исторической работы это недопустимая оплошность, как и отсутствие сведений о номерах дел в списке использованных источников, там указаны только названия архивов и номера фондов, что не является репрезентативными данными.

Положительный отзыв на автореферат **Аверьянова Константина Александровича** – доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института российской истории Российской академии наук. В отзыве замечаний не указано. Положительный отзыв на автореферат **Бурнашевой Наталии Ивановны** – доктора исторических наук, доцента, главного научного сотрудника Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН. В отзыве замечаний не указано.

Положительный отзыв на автореферат **Владимирова Владимира Николаевича** – доктора исторических наук, профессора; профессора кафедры отечественной истории Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Алтайский государственный университет». Отмечены недочеты текста автореферата диссертации М.В. Карташовой, которые связаны в основном со структурными моментами. Помимо указанных выше сюда же можно отнести некоторое несоответствие объема заключения и основного текста автореферата, связанного с изложением содержания глав. Так, на главы 2-5 (с. 25-34) приходится лишь немногим больший объем текста, чем на заключение (с. 34--42). Это местами приводит к излишней беглости представления основного текста диссертации. Как представляется, это особенно заметно на изложении 4 главы диссертации.

Положительный отзыв **Канищева Валерия Владимировича** – доктора

исторических наук, заведующего лабораторией социальной истории, профессора кафедры истории и философии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина. В отзыве замечаний не указано.

Положительный отзыв **Глушецкого Андрея Анатольевича** – доктора экономических наук профессора, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации». В отзыве замечаний не указано.

Положительный отзыв **Марасановой Виктории Михайловны** – доктора исторических наук, профессора, заведующей кафедрой рекламы и связей с общественностью Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. В отзыве замечаний не указано.

Положительный отзыв **Келлера Андрея Викторовича** – доктора исторических наук, старшего научного сотрудника Лаборатории экспедиционной археографии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина». Имеется замечание:

Исследование по кустарной промышленности, проведенное на основе теории модернизации не совсем удачно. Ввиду дефицитов данной теории, предполагающей безусловную индустриализацию и развитие крупной промышленности, изначально ставит кустарную промышленность в заведомо проигрышное положение. Концепция не предполагает в принципе существования кустарей и мелкого ремесленного производства как исторический рудимент, должныими отойти в прошлое в ходе индустриализации: «Работа основана на теории модернизации, успешно применяемой в исторических исследованиях» (с. 8). Парадоксальным образом, автор принимает позицию либерального или реформистского крыла русского правительства, поддерживающего развитие крупных форм индустриального капитализма, тогда как логичнее было бы развить взгляды народников-экономистов второй половины XIX в., когда «наблюдалось абсолютное концептуальное преобладание

в продвижении концепций развития экономики России в “нижнем” ее сегменте народных промыслов и ремесленничества - современным языком, малого и среднего предпринимательства». Ведь именно это направление являлось одним из способов повысить благосостояние населения, укрепив «средний класс». Со временем решение вопросов мелкого кредитования могло стать мотором для развития мелкой промышленности, как это стало возможно благодаря кредитному обществу Райффайзен (товариществам по выдаче ссуд) в Австро-Венгрии или современной Австрии. Следовательно, нет надобности укреплять советскую концепцию «сувениризации» кустарных промыслов в узкой их области по производству безусловно значимой высокохудожественной продукции. Перспективы развития «кустарной» промышленности были гораздо шире, не пойдя развитие событий в сторону советской кооперации и госпредприятий, что нисколько не умаляет успехов народно-художественных промыслов в советское время.

Положительный отзыв **Филиппова Юрия Владимировича** – доктора педагогических наук, кандидата философских наук, Генерального директора Государственного бюджетного учреждения культуры Нижегородской области «Нижегородский государственный историко-архитектурный музей-заповедник». В отзыве замечаний не указано.

Положительный отзыв **Ивановой Натальи Анатольевны** – доктора исторических наук, главного научного сотрудника Института Российской истории РАН. В отзыве замечаний не указано.

Выбор официальных оппонентов и ведущей организации обосновывается их высоким профессионализмом и компетентностью в соответствующих областях науки, наличием у оппонентов и сотрудников ведущей организации публикаций по тематике диссертации в рецензируемых журналах за последние пять лет.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова» является признанным мировым научным центром, в том числе по

изучению социально-экономических отношений в Российской империи в XIX – начале XX вв.; Леонид Иосифович Бородин специализируется в области применения информационных технологий и математических методов в исторических исследованиях, особенно в исследованиях по экономической истории России XIX–XX вв. Автор более 470 научных работ, включая 8 монографий и ряд учебников, опубликованных как в России, так и за рубежом.

Диссертационный совет отмечает, что на основании выполненных соискателем исследований:

- разносторонне изучено состояние кустарных промыслов в Российской империи в последней трети XIX – начале XX в.;
- определены и охарактеризованы основные государственные мероприятия по развитию кустарных промыслов и выявлены наиболее эффективные из них;
- выявлена доходность кустарных промыслов и финансовое обеспечение государственной политики по их развитию;
- локализованы кустарные промыслы по группам в масштабах империи и определены особенности их государственной поддержки на окраинах Российской империи.

Теоретическая значимость исследования заключается в систематизации концептуальных подходов к процессу развития и правительственной поддержки кустарных промыслов, в вычленении общего и особенного в процессах развития кустарных промыслов в центральных регионах и на окраинах империи под влиянием правительственных мер поддержки. В работе изучены и выявлены формы государственной поддержки кустарных промыслов в связи с их структурой, доходностью и размещением. В научный оборот введены новые архивные материалы, касающиеся развития кустарных крестьянских хозяйств. Комплекс компьютерных картографических и математических методов для изучения кустарных промыслов Российской империи был применен впервые в исторической науке, что дало возможность синтезировать данные различных источников, в том числе статистические, которые можно интегрировать в цифровое научное пространство для

дальнейшей работы с ними.

Значение результатов исследования для практики подтверждается тем, что полученные материалы и выводы могут быть полезны при разработке федеральных, региональных и муниципальных программ по развитию народных художественных промыслов, при реализации национального проекта «Культура», при разработке грантовых проектов некоммерческими организациями. Положения диссертации могут использоваться при подготовке лекционных и специальных курсов по истории России, истории народных художественных промыслов, музееведению, культурологии.

Оценка достоверности результатов исследования выявила полное и корректное использование источников, непротиворечивую трактовку полученных фактов, адекватность избранных методов исследования использованным источникам.

Личный вклад соискателя состоит

- в оригинальной постановке цели и задач исследования;
- в использовании репрезентативной источниковой базы и комплексном анализе исторических источников по теме диссертации с использованием подходов и методов, отвечающих требованиям современного гуманитарного знания, включая комплекс компьютерных картографических и математических методов;
- в выявлении и введении в научный оборот ряда ранее не опубликованных архивных материалов;
- в применении междисциплинарного подхода с включением в историческое исследование методов географии и исторической информатики. Пространственно-статистический (картографический) анализ проведен на основе обширного статистического материала земских обследований крестьянских хозяйств, в том числе и кустарных промыслов. Создан массив данных «Кустарные промыслы Российской империи последней трети XIX – начал XX вв.» как инструмент исследования;
- в самостоятельном формулировании положений, вынесенных на защиту, в которых отражены основные теоретические результаты проведенного

исследования;

- в создании обобщающего комплексного исследования, раскрывающего особенности функционирования кустарных промыслов – как феномена социально-экономических отношений в Российской империи в последней трети XIX – начале XX вв. и комплекса государственных мероприятий, направленных на их поддержку и развитие.

В ходе защиты диссертации были заданы следующие вопросы:

1. Какой вклад внесли кустарные промыслы в военную промышленность Российской империи? Можно ли проследить цифровые показатели и как они менялись в течение рассматриваемого периода?
2. Во Владимирской губернии существовало 3 центра иконописи: Палех, Мстёра, Холуй. Что в иконописи было больше: ремесла или кустарного производства?
3. Попали ли в сферу Вашего исследования те кустики, которые работали в рассеянной мануфактуре у себя дома?
4. Как Вы разделяете термины «кустарные промыслы» и «кустарная промышленность»? Как их определяли в конце XIX – начале XX века?
5. Вы проводите классификацию кустарных промыслов. Это современная трактовка или существовала их классификация в последней трети XIX – начале XX века?
6. Какой вклад в развитие кустарных промыслов вносили представители дворянства, в частности, род Шереметевых?
7. В третьем положении, выносимом Вами на защиту, Вы указываете, что в 17-и губерниях и областях обрабатывающие промыслы продолжали доминировать над фабрично-заводской промышленностью по числу занятых работников. Какие это современные регионы?
8. Объясните свое положение: «Финансовые вложения в развитие промыслов стали одним из экономических механизмов общего политического курса, направленного на колонизацию Азиатской России и интеграцию огромных пространств империи». Каковы были экономические механизмы?

9. Раскройте Ваш тезис: «государство, реализуя мероприятия по развитию и насаждению кустарных промыслов, «работало» на индустриальную модернизацию России». Или существовало противоречие между поддержкой государством крупной и мелкой промышленностью?

10. В Ивановском университете существовала Школа изучения кооперации. Кустарные промыслы и кооперация как-то пересекались или была какая-то «серая зона»? Кустарное производство было в кооперации?

Соискатель Карташова Мария Вячеславовна ответила на задаваемые ей в ходе заседания вопросы и привела собственную аргументацию.

На заседании 25 сентября 2025 г. диссертационный совет принял решение за решение научной задачи, имеющей значение для развития исторической науки присудить Карташовой М.В. ученую степень доктора исторических наук, так как диссертация представляет собой научно-квалифицированную работу, которая соответствует критериям, установленным пунктами 4, 7, 12-13, 25 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842 (ред. от 25.01.2024).

При проведении тайного голосования диссертационный совет в количестве 18 человек, из них по специальности рассматриваемой диссертации 7 докторов наук, участвовавших в заседании, из 24 человек, входящих в состав совета, проголосовал: за 16, против 1, недействительных бюллетеней 1.

Председатель диссертационного совета

д.и.н., профессор

[Handwritten signature]

А. В. Махлаюк

Ученый секретарь диссертационного совета

к.и.н., доцент

[Handwritten signature]

А. М. Абидулин

25 сентября 2025 г.